

24 КАДРА

ИЗ ЖИЗНИ КОНЕЙ И ЛЮДЕЙ

ВЛАДИМИР ВОРОНИН

ЛЮСКА

Владимир Воронин

Люска

«Книжкин Дом»

2015

Воронин В. В.

Люска / В. В. Воронин — «Книжкин Дом», 2015

«Люська была кобыла. Самая настоящая кобыла, лошадь донской породы. С явной примесью заморских благородных кровей. Об этом говорили маленькая красивая голова, точёные ножки, пропорционально сложенный корпус, длинная тонкая шея. Характер у Люськи был тот ещё. Молодая, не в меру пугливая и неуравновешенная, она, тем не менее, сумела завоевать престижное третье место в крупных соревнованиях трёхлеток. Ей прочили хорошее будущее. Прочили, да напророчили. Полутрезвый конюх поленился подольше «пошагать» её после изнурительной тренировки. Поставил сразу в денник, потную и разгорячённую. Другой конюх, такой же молодой и такой же не совсем трезвый, напоил её, по недосмотру, холодной водой вволю...»

© Воронин В. В., 2015

© Книжкин Дом, 2015

Содержание

1 кадр	6
2 кадр	10
3 кадр	12
4 кадр	16
5 кадр	18
6 кадр	20
7 кадр	22
8 кадр	24
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Владимир Васильевич Воронин

Люска

*Памяти Александра Прокопьевича Кривоуста, бывшего
директора Кулешовского стеклотарного завода и Азовского комбината
детского питания, большого и бескорыстного любителя лошадей
посвящается*

Лошади, те же люди, только лучше.

А. Кривоуст

© ИИЦ «АЗОВ», оформление, 2015

* * *

1 кадр Зигзаги судьбы

Люска была кобыла. Самая настоящая кобыла, лошадь донской породы. С явной примесью заморских благородных кровей. Об этом говорили маленькая красивая голова, точёные ножки, пропорционально сложенный корпус, длинная тонкая шея.

Характер у Люски был тот ещё. Молодая, не в меру пугливая и неуравновешенная, она, тем не менее, сумела завоевать престижное третье место в крупных соревнованиях трёхлеток. Ей прочили хорошее будущее. Прочили, да напророчили.

Полутрезвый конюх поленился подольше «пошагать» её после изнурительной тренировки. Поставил сразу в денник, потную и разгорячённую. Другой конюх, такой же молодой и такой же не совсем трезвый, напоил её, по недосмотру, холодной водой вволю.

И всё. Кончилась Люска. На следующей тренировке, она еле-еле одолела один круг, начала задыхаться, «запалилась».

Конюхов, конечно, наказали. Лишили квартальной премии и чуть было не уволили. Но на судьбу Люски это никак уже не повлияло. Кончились Люскины перспективы. Её списали. А списав, продали.

Продали задёшево подвернувшемуся покупателю, начинающему фермеру. Фермер был мужичок из городских, ему надоела «до чёртиков» жизнь в каменных джунглях с дикими людьми, помышляющими только о наживе. Решил он, что на заброшенном хуторе жизнь будет чище и веселей.

Мечтал жить своим трудом, завести коз, корову и лошадь. На лошади собирался пахать и возить дрова. Парень был сугубо городской. Он не знал, какие нужны лошади для сельской жизни. Потому и купил красивую Люску.

А Люска была красива. Светло-рыжей, почти жёлтой масти, особенно великолепной летом, когда шерсть чуть выгорала на солнце и кобыла как будто светилась. Иногда казалось, что вот-вот, и она начнёт испускать лучи, как самое настоящее солнце.

Белая узкая проточина, начинавшаяся звёздочкой на лбу и опускавшаяся почти к носу. Огромные навывкате глаза, обрамлённые длинными, даже для лошади, ресницами, маленькая красивая головка, острые сторожкие уши, лебединая шея, длинная светлая грива на одну сторону, пушистый длиннющий хвост, тонкие стройные ноги в белых «чулочках».

Раньше, когда её выпускали на волю, она как бы плыла по воздуху, почти не касаясь земли ногами, подняв развевающимся факелом хвост и высоко поднимая крепкие ноги. Теперь её не выпускали.

Новый хозяин погрузил приобретение в высокий кузов грузовика и отвёз на далёкий свой хутор. При виде Люски радости домашних не было предела. Больно уж красива была лошадка.

Хозяин хутора, в тот же вечер, решил запрячь кобылу в одноосную повозку, именуемую по-местному «бедарка». Но Люска была породистой верховой лошастью!

Она видела, конечно, как влачит тяжёлую телегу с навозом, старый мерин на конюшне. Но самой ей никогда не приходилось почувствовать оглобли по бокам и хомут на шее. Не для этого она была предназначена!

Фермер то об этом не знал. У него были свои мечты, связанные с лошадыю в хозяйстве. Конюх он, конечно, был неумелый. Но настырный. Настырнее Люськи, которая в конце концов смирилась, позволила надеть на себя хомут и шлею.

Она косилась диким непонимающим взглядом на фермера и бедарку, на хомут и вожжи, нервно перебирала ногами, пяtilась и высоко вскидывала голову.

Фермеру удалось всё-таки поставить её в оглобли. На этом его удача закончилась.

Люська решительно отказывалась стоять на одном месте. Стоило только человеку отойти от её морды, чуть ослабить повод, как она тут же срывалась с места в рысь.

Человек никак не успевал запрыгнуть в бедарку. Он неуклюже бежал по высокой траве, держась за длинные ремённые вожжи до тех пор, пока кобыла не соизволит остановиться. А она не соизволила.

Почти час промучившись с Люськой, фермер придумал как усмирить кобылу. Он кликнул соседа через улицу. Тот взял лошадь под уздцы и крепко держал, пока хозяин сел в тележку. Получилось ещё хуже.

Люська рванула сразу, как только её отпустили. Сзади гроыхала по кочкам бедарка, вселяя в кобылу неопиcуемый ужас. В бедарке трясся, почти вылетая из неё на особо глубоких ухабах, бывший горожанин. Ему тоже было страшно.

До самого темна, носилась по окрестным просёлкам Люська, пока не утомилась и не стала плохо видеть. Лошади плохо видят в темноте.

Люська шарахнулась от куста, неожиданно выплывшего из темноты, испугалась козодоя, вспорхнувшего из по ног. Она остановилась.

Хозяин, хоть и устал не меньше Люськи, среагировал молниеносно: быстро выпрыгнул из бедарки и схватил лошадь под уздцы.

Домой они шли пешком и шагом. Десяток километров под большой, жёлтой, как Люська, луной.

У фермера было время подумать, что может статься, если он попытается запрячь эту лошадь в плуг. Он не стал пробовать.

Поставил кобылу в стойло, построенное во дворе, и больше не трогал. Иногда любовался своим приобретением. Кормил вволю, так как сеном запасся заблаговременно. Не жадничая сыпал в ясли овёс и ячмень.

Люська стояла целыми днями и жевала. Иногда ложилась, насколько позволяла привязь. Деликатно отодвигалась в сторонку, когда хозяин убирал навоз и расстилал свежую солому для подстилки.

Она даже полюбила спокойного и деловитого хозяина. Тянула к нему шею, когда он угощал её солёным сухариком или морковкой. Но запрягать себя не позволяла. Ведь она была верховой лошастью.

Хозяин верхом не умел и боялся. Мечта его осуществилась только наполовину: лошастью он обзавёлся. Но зачем ему такая лошадь – не знал.

И продолжал мечтать. Он, наверное, делился мечтами своими с другими людьми. Потому как однажды, уже зимой, Люська услышала странные, но такие знакомые звуки. Она услышала лошадей!

К тому времени Люська, от постоянного жевания, из стройного и грациозного животного превратилась в жирный шар на тонких ножках. Ведь она ничего не делала, только ела и ела.

Так растолстела, что на месте позвоночника, который у некоторых лошадей выпирает острым гребнем, у неё образовалась ложбинка. Сзади Люська походила на переспелое яблоко.

Шерсть её отросла в зиму, стала более тёмной, красноватой с медным отливом. Яркая желтизна ушла, но Люська по-прежнему была похожа на солнышко.

Или, по крайней мере, на полную луну. Которая, как известно, отражает солнечный свет.

Люська была довольно коротко привязана, ей приходилось косить глаз, чтобы разглядеть, что происходит там, во дворе, за её хвостом.

А происходило там интересное. Весёлый и радостный хозяин, широко распахнул скрипучие деревянные ворота перед гостями.

В ворота, слегка наклонив высокую барашковую папаху, въехал верхом большой и серьёзный человек. Восседал он на огромном, толстом и спокойном старом мерине.

За ним следовал другой человек, помельче, верхом на крупной гнедой кобыле, по всему видно, немолодой и опытной.

За ними вбежало во двор мелкой рысью, нечто странное и не совсем понятное. По виду это была большая собака, или маленькая лошадь. Люська таких раньше не видела.

Лошадка сразу подбежала к ней нюхаться. Люська сначала решила, что это жеребёнок. Но от существа пахло взрослой лошастью, рожавшей кобылой!

Когда та сунула свой нос к ней под хвост, Люська испугалась и взбрыкнула. Лошадка отскочила.

Несильный удар Люскин пришелся ей как раз в морду и был, судя по всему, весьма чувствительным для пони. А это и была пони, маленькая взрослая лошадка.

Но не такая, на каких обычно катают детей в парке, большеголовых и уродливых, а ладно скроенная, с правильными пропорциями. Только маленькая, в половину обычной лошади.

Приезжие спешили, поговорили с хозяином. Подошли к Люське. Она уже успокоилась, стояла тихо, не ожидая крутых перемен в своей сытой и ленивой жизни. Но перемены начались, и немедленно.

Хозяин подошёл к ней, отвязал повод недоуздка, взял его в полу полушубка и передал приезжему. Тот снял со своего мерина седло и накинул на Люську.

Ощущение седла на спине было знакомым, потому она не испугалась. Правда это было не лёгкое спортивное седло, под которым кобыла ходила раньше. Седло было высоким, с мягкой подушкой, но не тяжёлым.

Когда новый знакомец попытался потуже затянуть подпруги, она применила старую лошадиную хитрость, вдохнула побольше воздуха и надула живот.

Она надеялась на то, что потом, когда она выпустит воздух, подпруги ослабнут, и она легко освободится и от седла, и от всадника.

Получив коленом в подбрюшье, невольно выдохнула, поджалась, и сразу зауважала человека, раскусившего её маленькую хитрость.

Подседлав кобылу, человек вставил ей в рот металлические звенья удила и передал поводья спутнику.

Подошёл к своему мерину, жёстко, но ласково похлопал его по шее, взял в полу своей просторной куртки его повод и передал фермеру. Обмен состоялся.

Так Люска обрела своего нового хозяина.

Он торопился. Торопился и старый хозяин. Прощались недолго. Новый хозяин легко вскинул своё нелёгкое тело в седло, на спину Люськи, и они выехали со двора в сопровождении всадника на гнедой кобыле и мышастого пони, семенящего мелкой рысью обочью дороги.

Поехали не спеша, шагом. Торопиться было некуда. Давешнее нетерпение прошло. Казак, а именно казаком был её новый хозяин, торопился раньше потому, что боялся, что заключённая сделка по обмену лошадями по какой-то причине может сорваться.

Он с трудом верил в своё везение. Обменять старого мерина, глубоко пенсионного возраста, на молодую породистую кобылку, не каждый день удаётся.

Фермер тоже торопился неспроста. Он тоже боялся, что сделка может сорваться. Не показывая виду, он втайне радовался. Наконец-то сбывается его мечта.

Вместо стропливой никчёмной кобылы, у него теперь есть огромный, спокойный мерин, на котором можно и на бедарке, и пахать, и за дровами.

В общем, рады были оба. Мнения лошадей не спрашивали.

2 кадр Новые знакомые

Длительная жизнь, лишённая движения, когда степень свободы определяет длина привязи, сказала на первом же километре. Люське было тяжело. Тяжело было нести собственное тело. А ещё нелёгкий всадник.

Доставала пони. Буквально доставала. Копытами. Стервозная оказалась кобылка. Она с безразличным видом трусила мелкой рысью рядом с Люськой, пока та не потеряла бдительность.

Вдруг, слегка забежав вперёд, несуразное создание повернулось к Люське задом и изо всей силы, прямо аж со стоном, врезало Люське обоими копытами под брюхо.

Всадник только успел приподнять ногу, чудом избежав удара. Удар весь достался Люське. Она изогнулась от боли, но поделаться ничего не могла, повод коротко держала крепкая рука.

Через время фокус повторился. На этот раз чёрная с проседью бестия подкралась сзади, воспользовалась тем, что ехали среди высоких стеблей кукурузы, шуршащих и отвлекающих.

Люська даже вскрикнула от боли. Но всадник не давал воли, хотя и понимал, наверное, что поведение пони не совсем правильное. Совсем неправильное поведение.

А та опять трусила немного в стороне, не глядя на Люську, высоко поднимая ноги в глубоком снегу, всем своим видом говоря, что ей нет никакого дела ни до кого, тем более до какой-то рыжей кобылы, отнесшейся к ней с неуважением.

Больше она не задиралась до самого дома. Дом был далеко. Люське и так было тяжело, а тут приходилось ещё следить краем глаза за мстительной лошадкой.

В былое время Люська преодолела бы такое расстояние легко и быстро. Сейчас она еле тащила ноги. Долгое, никчёмное, но сытое стояние в стойле, выходило хриплым дыханием и обильным потом. Несмотря на холодный ветер с лёгким снежком, Люська запарилась.

Но всему бывает конец. Кончилась и дорога. Новый хозяин привязал её к столбику недалеко от левады, его помощник загнал в леваду пони и гнедую кобылу.

Хозяин обтёр Люську пучком сухой соломы, накинул попону и оставил отдыхать. Не дал ни воды, ни овса, даже пучка сена не дал.

Через жерди загона к ней с любопытством тянулись лошадиные морды. Их было много. Лошади с шумом втягивали воздух, фыркали, пытаются понять, что за новая подруга появилась в их владениях.

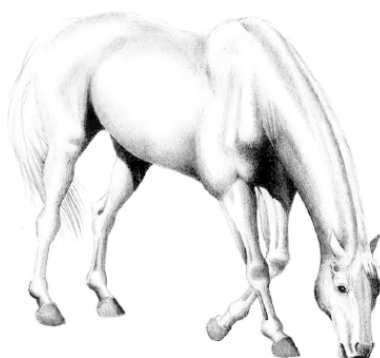
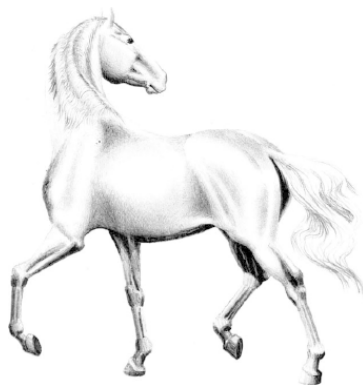
Люська тоже тревожно принюхивалась и вздрагивала всей шкурой. Она понимала, вернее, знала, что ей предстоит.

Поздно вечером, когда уже стемнело, подошёл хозяин. Он снял попону, ещё раз протёр Люськино тело пуком соломы, теперь уже для проформы, разлохмачивая слипшуюся от пота, высохшую косичками и прядями шерсть. Завёл Люську в загон к остальным лошадям и снял с неё уздечку.

Такой свободы кобыла не испытывала никогда. Она просто не помнила себя без уздечки или недоуздки на морде.

Подожли другие кобылы, стали обнюхивать. То, что это именно кобылы, Люська ощущала по запаху. Когда к ней приставали слишком назойливо и бесцеремонно, она огрызалась.

Было уже темно. Лошади не очень хорошо видят в темноте, поэтому новые знакомые вели себя достаточно спокойно, привыкая к новому запаху. Основные события знакомства развернулись рано утром, когда взошло неяркое зимнее солнце.

3 кадр

Табунная иерархия

Дело в том, что лошади – существа социальные, стадные – попросту говоря. И строго иерархически организованы. Иерархия снимает лишнее напряжение в группе, каждый знает своё место, не надо постоянно что-то кому-то доказывать.

Но если в группе лошадей, с устоявшейся иерархией, появляется новая особь, иерархия нарушается. Чтобы её восстановить, вернее, установить заново, пришелец должен подраться с каждым из членов группы. Причём именно с каждым, а не только с лидером.

В результате такого выяснения отношений, каждая лошадь знает, как ей относиться к пришельцу. Если она сильнее, то и главнее, если слабее, то наоборот.

Самое интересное, что появление нового члена группы, в результате индивидуальных драк, определяет не только место пришельца в группе, но и вынуждает к перегруппировке отношений внутри табуна.

Каждый дерётся с каждым. И это происходит до тех пор, пока не установится новая иерархия.

То же самое происходит в табуне, если из него изъять на продолжительное время одну, или несколько лошадей. Опять каждый дерётся с каждым. Но только один раз. Этого достаточно для выяснения отношений между членами группы и установления новой иерархии.

Иерархия не постоянна. Если лошадь, скажем, заболела, она неизбежно опустится вниз по иерархической лестнице. Повзрослевшая, набравшая живой вес дерзкая кобылка, наоборот, может занять более высокое положение в сообществе.

В табуне, в который попала Люска, было семнадцать кобыл. Вернее шестнадцать. Семнадцатым был мерин.

От него странно пахло. Пахло вроде бы жеребцом, самцом, вроде бы безусловным лидером. Но чего-то в этом запахе не хватало. Наоборот, было что-то кобылье, в его запахе. К нему и относились, как к кобыле, несмотря на его огромную физическую силу.

Мерин был «джентльменом», как сказали бы люди. Он пропускал кобыл вперёд у кормушки, не лез первым к воде, когда её приносил конюх. Если выпускали на лужок погостить, не нёсся как угорелый, вышагивал спокойно и степенно.

Но джентльменство не в почёте у лошадей. Если ты кого-то пропустил вперёд себя к кормушке, значит, ты заведомо слабей, у тебя меньше шансов наесться вволю и оставить после себя сильное, жизнеспособное потомство.

Но какое потомство может быть у мерина?

Он, соответственно, занимал почти последнее место в лошадиной иерархии. После него была только старая, серая в яблоках кобыла, худая, словно скелет, обтянутый кожей. Она уже давно не способна была к деторождению, от неё и кобылой-то уже не пахло.

Ударить её мог каждый. Даже без причины. Летом, на лугах, она всегда паслась в отдалении, подальше от молодых и сильных лошадей. Но так, чтобы не очень отдаляться от табуна. Стадный инстинкт, всё же.

К кормушке она всегда подходила последней. Доедала то, что осталось. Если осталось. Иногда конюх забывал её напоить, потому что она стояла в стороне, ожидала, пока напьются вволю остальные лошади.

Люди иногда жалели её, лошади – никогда. Да и чего её жалеть? Какой от неё толк? Какая польза, для выживаемости группы, а, в конечном счёте, и вида в целом? Дарвин же сказал: «Выживает сильнейший!». Значит, погибает слабейший!

Так и будет слабая, старая, больная кобыла, пастись в отдалении от табуна. И наверняка станет добычей волков, появившись они в этих местах. Она послужит как бы громоотводом для основной группы.

Причём, что интересно, если животное-изгой убрать из табуна, например, поставить его в денник, отдельно, то в группе обязательно появится новый изгой. И он опять будет пастись в отдалении, и его опять будут все бить. Так уж Дарвин велел.

Главной в косяке была та самая, пожилая гнедая кобыла, со слегка провисшей спиной, которую Люска увидела первой.

Её уважали все лошади и люди. Она всегда шла первой, когда лошадей выпускали пастись, первой подходила к кормушке с сеном и ведру с водой. С ней никто не спорил. А если пытался просунуться вперёд, то получал такую трёпку, что запоминал надолго.

Причём что интересно: если кобыла-лидер напала на кого-то, даже без причины, его тут же начинали бить и кусать все остальные члены табуна.

А она проделывала это иногда. Именно без видимой причины. Или когда ей казалось, что кто-то посягает на её первенство. Наверное, для поддержания авторитета. Люди звали её Девочка.

Второй была Звёздочка, дочь Девочки, довольно молодая, крупная светло-гнедая высоконогая кобыла с прямой спиной и белой звёздочкой во лбу, за что, собственно, и получила своё имя.

Имена лошадям дают люди, чтобы лучше различать их между собой. Самим лошадям эти имена совершенно не нужны, редко какая запоминает и откликается на свою кличку.

У лошадей хороший слух, они слышат малейший шорох на большом расстоянии, потому что этот шорох может означать опасность, крадущегося хищника, например.

Но лошади не способны различать звуки человеческой речи, хотя понимают интонацию. Ласку, например, или угрозу. А нейтрально произнесённое лошадиное имя ничего им не говорит, ни плохого, ни хорошего.

Между собой лошади общаются, в основном, посредством запахов. Каждая лошадь пахнет по-своему, индивидуально. Для окружающих лошадей это и есть её код, запаховое имя.

Люди, в большинстве своём, не способны различать эти имена, для них все лошади пахнут одинаково резко и сильно. В запаховом диапазоне лошади для людей как бы на одно лицо.

Только редкие особи среди людей, много лет проводившие с лошадьми, могут не глядя, по запаху, отличить жеребца от кобылы. Некоторые конюхи даже по запаху могут понять, что лошадь заболела.

Третьей в табуне, до появления Люски, была пони. Это была вполне взрослая кобыла, только маленького роста. Немного великоватая голова едва доставала до плеча лошади обычного размера.

Маленькая кобыла была необычной расцветки: по чёрной, вороной шкуре, в обилии были рассыпаны белые, почти прозрачные волоски, отчего лошадка была как бы седой, мышастой.

Грива и роскошный пушистый длинный хвост, казались просто серыми, светлыми. Хотя, если присмотреться, состояли из тех же белых и чёрных волосков, только очень длинных.

Незнакомые лошади вначале принимали Изауру, а именно так звали кобылку люди, за жеребёнка или очень большую собаку. Но очень скоро убеждались в своей неправоте.

Изаура была взрослой лошадкой, претендовала на достойное место в табуне, была умной, злой, ловкой и сильной. Люска гоняла её по загону с особым рвением, припоминая нанесённую обиду.

Лошадка убегала от неё с гордо поднятой головой, и с плотно прижатыми к голове ушами. Не стыдно убегать маленькому от большого и сильного. Да и понятие стыда не свойственно лошадям. Это всё придумали люди в своём слишком сложном мире

От Люски Изаура отбегалась, уступила ей почётное третье место в косяке. Зато с удвоенной силой била и кусала остальных лошадей.

Подралась она и с явными лидерами, Девочкой и Звёздочкой. Но это так, для проформы. Они легко отстаивали своё положение в табуне, она – своё.

Мир установился. Потекли будни, не очень богатые событиями. Иногда приходил хозяин. Выбирал лошадь, всё чаще и чаще именно Люську, отправлялся на прогулку в лес или поле. Люска любила эти путешествия.

Зимой хозяин не пользовался седлом. Он тепло одевался, надевал серые большие валенки, садился на лошадь без седла и подстилки.

От него было тепло спине и почти не тяжело. Хозяину тоже было тепло от Люскиной спины. Они путешествовали так, грея друг друга, час-полтора. Потом возвращались домой, оба довольные. Домой, бежать всегда было веселей.

За лошадьми ухаживал конюх Андрюха, высоченного роста парень с красивым лицом. Портило это лицо его выражение. Большие и красивые серые глаза смотрели удивлённо и не совсем осмысленно на этот мир. Большой, постоянно открытый, с крупными зубами рот, вечно скалился в постоянной улыбке.

Люди считали Андрея дурачком. А лошади – нет. Он, как никто, понимал их. А они его.

Разговаривал Андрей и с людьми, и с лошадьми только матом, перемежая слова междометиями. Люди часто обижались. А лошади нет. Им не важны были слова, важна была интонация.

Интонации в голосе конюха бывали самые разные, от дружески-ласковых, до угрожающих. Мог он и ударить лошадь. Например, черенком вил, которыми задавал сено или чистил навоз. Или даже кулаком.

Но лошади не обижались на него, считали почти своим, такой же лошадей, как и они. Да и пах он соответствующе. А лишние сантименты между лошадьми не приняты.

Что для лошади удар человеческим кулаком или даже навильником? Лошадь весит почти полтонны. Ударом копыта может убить волка или того же человека. Но не хочет. Особенно того человека, который её кормит.

4 кадр Мальчик

Однажды, ближе к вечеру, у загона с лошадьми остановился большой белый джип. За ним притормозил большой крытый грузовик. Из джипа вылез довольно высокий, крупный шарообразный человек, пошёл к лошадям. Кони его знали.

Большой человек и раньше к ним приезжал. По своей комплекции он, при всём своём желании, не смог бы взгромоздиться ни на одну из имеющихся в наличии лошадей. Даже если бы к лошади приспособили лестницу. Коней любил он бескорыстно.

Часто заходил в самую середину табуна, глубоко держа руки в карманах. Затем вынимал руки, разводил их в стороны и раскрывал ладони. На ладонях лежали вкусные солёные сухарики.

Первой подходила, как всегда, Девочка. Затем и остальные лошади обступали человека плотным кольцом. Человек стоял, закрыв глаза и блаженствовал.

Лошади осторожно, почти не толкаясь, брали мягкими тёплыми губами сухарики с его ладоней, дышали на него тёплым духом, самые смелые обнюхивали и облизывали лицо, тыкались мордой в карманы в поисках ещё одной порции сухарей.

Через время, человек открывал глаза, вытирал большим носовым платком обслюнявленное и обсопливленное лошадьми лицо, подтягивал распушенный галстук, глубоко вздыхал и направлялся к поджидавшей его машине. Лошади заряжали его своей энергией для дальнейшей работы.

На этот раз, по команде большого человека, шофёр с конюхом открыли задний борт грузовика, установили широкие деревянные сходни. По сходням свели лошадь.

Это была не просто лошадь, это был жеребец. Будущий жених кобыл, теснящихся в загоне. Могуч и красив, тёмно-гнедой масти, с чёрными хвостом и гривой. Хвост доставал почти до земли, длинная лохматая нечёсаная грива развевалась на ветру.

Два человека висли у него на поводу: водитель и конюх Андрюха. Они с трудом свели его по сходням. Жеребец брыкался, пытался встать на дыбы, громко ржал, учуяв запах кобыл.

Его отвели в конюшню и поставили в отдельный денник. Не время было знакомиться, привыкнуть надо, отдохнуть с дороги.

Увидев жеребца, на грудь Александра Прокофьевича, а это был именно он, бросилась Ленка. Это она, увидев жеребца тракененской породы на одной из сельскохозяйственных выставок, пробилась на приём к Прокофьевичу и каким-то способом сумела убедить его, что нужно купить кобылам жеребца, и именно этого тракенена.

Тракенены, или как их проще называют тракены – это немецкая порода лошадей, вернее прусская. Вывели её в Германии, специально для офицеров прусской армии.

Рослая, сильная лошадь, с несколько большеватой головой, выводилась для военных действий, а вовсе не для соревнований. Достаточно послушная, легко поддающаяся обучению, чуть ли не на генетическом уровне, способная держать строй и не бояться выстрелов и взрывов.

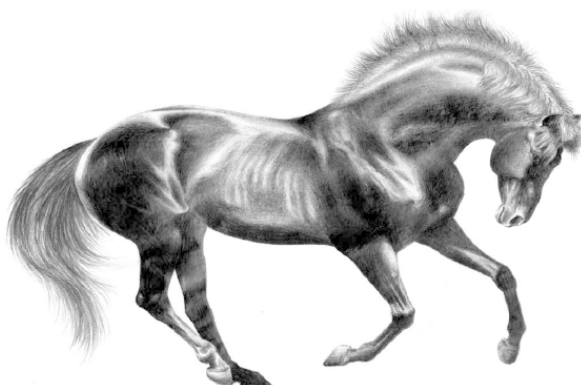
Но Германия проиграла войну. После Второй Мировой, конезавод, а вместе с ним и все производители, как жеребцы так и матки, были вывезены в победивший Советский Союз, где и происходило дальнейшее развитие породы.

Лошадь активно использовалась в соревнованиях различного уровня, поставлялась в армию. После того, как кавалерийские части были упразднены, остался только спорт и кино-съемки.

Мальчик, так звали жеребца, тоже участвовал в соревнованиях, часто побеждал в них. Но, по неудачному стечению обстоятельств, сильно повредил ногу.

Ни о каких спортивных успехах речи быть уже не могло. Его перевели в разряд производителей, а потом, выставив на сельскохозяйственной выставке, вознамерились продать.

Там его и увидела Ленка.

5 кадр Ленка

О Ленке следует сказать особо. Эта довольно симпатичная рыжая девица, с весёлыми конопушками по всему лицу, была родом из этого самого степного хутора, теперь почти заброшенного людьми.

Сразу после окончания школы, она оставила мать с двумя малолетними братьями и подалась в большой город, может даже и в Москву.

Чем она там занималась, доподлинно неизвестно, известно только, что посещала уроки верховой езды на тамошнем знаменитом ипподроме. Делала успехи, участвовала в соревнованиях.

Городской жительницы из неё не получилось. Через какое-то время ей так всё обрыдло, что жить не хотелось.

Она вернулась на родину, в хутор. Стала помогать престарелой матери поднимать двух своих, не совсем здоровых, братьев-близнецов.

С удовольствием учила братьев, а заодно и всех хуторских детей обращению с лошадьми. Учила не как-нибудь, а как принято в конном спорте, со всем знанием дела.

Лелеяла в душе мечту, что кто-нибудь из её учеников, станет знаменитым спортсменом-конником. Может даже и олимпийским чемпионом. Почему бы и нет? Мечтать не запрещать.

Хуторские дети её боготворили. Взрослые уважали. Хозяин лошадей, ей даже зарплату платил. Небольшую, но всё-таки зарплату.

Кони её тоже любили, как и она их. Особенно выделяла Ленка Люську. Обе были, в прошлом, спортсменками.

Иногда они устраивали показательные выступления. Люська выкладывалась по полной. Она легко и грациозно брала самодельные препятствия, сделанные самолично Ленкой.

К восторгу зрителей, большинство из которых составляла хуторская малышня, танцевала под музыку.

Вообще-то, как уверяют серьёзные учёные и маститые знатоки, лошадь не может танцевать под музыку. Она просто её не воспринимает, не чувствует ритм.

Поэтому в цирке не лошадь танцует под музыку, а оркестр подстраивается под лошадиные движения, ускоряя или замедляя ритм и мелодию. Но откуда оркестр в хуторе?

Люська танцевала под старенький магнитофон. Магнитофон не может подстраиваться под лошадь. А Люська всё равно танцевала!

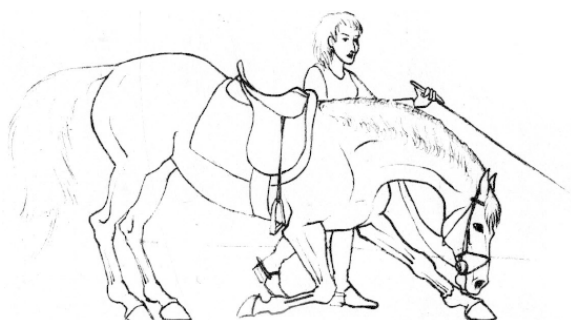
И заканчивала каждое своё выступление грациозным реверансом с поклоном, согнув одну переднюю ножку и далеко выставив вперёд выпрямленную другую. При этом она несколько раз кланялась, опять же, в такт музыке.

Люска, конечно же, не слышала никакой музыки. Вернее, не обращала внимания на тот шум, который исходил из пластмассового ящика на высоких ножках, стоявшего на краю поляны, именуемой гордо «манеж».

Музыку слышала Ленка. А Люска слышала Ленку. Вернее, она воспринимала всем телом те мельчайшие, незаметные даже опытному глазу движения рук, ног, всего корпуса наездницы и подчинялась им. Она кружилась в вальсе, ходила боком, приседала на задние ноги. Со стороны казалось, что Люске нравится танцевать и она получает от этого удовольствие. А ей доставляло удовольствие подчиняться этим самым микродвижениям. Лошадь как будто полностью сливалась с наездницей, её тело выполняло команды, посылаемые мозгом человека.

Ребятня отбивала ладоки, хлопая артисткам, взрослые удивлённо поднимали брови, Люска получала поощрительный шлепок по шее маленькой ладошкой и добрые слова уверенным ласковым голосом. Все были довольны и даже счастливы.

Но такое взаимопонимание, даже можно сказать, взаимопроникновение, было у рыжей кобылы, только с Ленкой.

6 кадр Характер

Характер у Люски оказался тот ещё. Как и у всякой артистки. Случай продемонстрировать его, выдался Люске весной, в конце апреля, начале мая.

К хозяину прикатила развесёлая компания горожан, решивших отдохнуть на природе. В числе прочих была девица, разодетая в пух и прах по последней парижской моде. По крайней мере, так она сама считала.

Барышня очень эффектно смотрелась в короткой, ярко-красной куртке-безрукавке, высоких сапогах-ботфортах и только-только входивших тогда в моду, колготках-лосинах, хищной тигриной расцветки.

Модная городская гостья, брезгливо-аккуратно подошла к загону с лошадьми по деревенской грязищи. Оказывается, там, в городе, она занималась конным спортом. У самых лучших и дорогих тренеров.

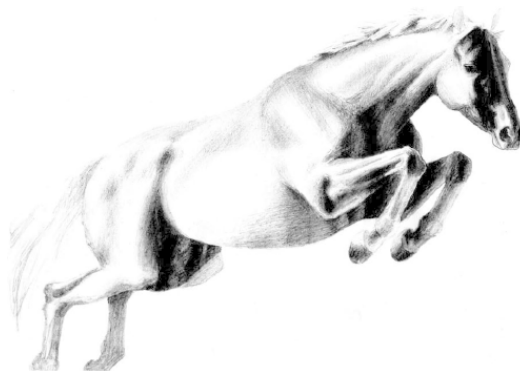
Если ей дадут лошадь получше, то она покажет высший класс верховой езды. Только для этого ей обязательно нужен стек.

Что такое стек, знали не все присутствующие, но конюх Андрюха знал. Стека в наличии не было.

Андрюха срезал большим складным ножом длинный прошлогодний акациевый побег, очистил его от острых шипов, протянул наезднице. Та презрительно улыбнулась, но снисходительно взяла самодельный стек в руки.

Андрюха подвёл к ней Люську. Люська, несомненно, по всем статьям, была лучшей лошадью в табуне. Да ещё и спортсменкой. Хоть и бывшей.

Городская наездница критически оглядела лошадь, осталась ей довольна. Даже похвалила немного.

Андрюха расплылся во всегдашней улыбке, притащил седло. Это, конечно, было не спортивное седло. Седло было обычное, казачье. Другого, на конюшне не нашлось.

Девица поморщилась, но ничего не сказала. Андрюха подтянул подпруги, она проверила, осталась довольна. Сама отрегулировала длину путлиц – стременных ремней.

Люська стояла спокойно. Девица легко поднялась в седло. Люська стояла. Она никак не реагировала на посыл вперёд.

Появилась заспанная и удивлённая Ленка. Люська покосилась на неё блестящим лиловым глазом, но ничего не сказала. Она не умела говорить, она стояла.

Девушка занервничала, взяла повод короче, слегка ударила «стеком» лошадь по крупу. Люска как взбесилась. Она сильно поддала задом, пошла боком, скозлила, пытаясь сбросить наездницу.

Та сидела крепко. Люска рванула вперёд и резко остановилась перед самым забором, оперевшись в вытянутые вперёд ноги и низко опустив голову.

Ожидалось, что наездница кубарем скатится через голову лошади в грязь. Та сидела.

Люска вставала на дыбы, приседала, шла боком, неожиданно прыгала вперёд, пятилась назад. Наездница сидела!

Наконец, она тоже решила проявить характер. Подобрала покороче повод и, привстав на стременах, со всей силы огрела лошадь по морде импровизированным стеком.

Люска опешила. Её так никто и никогда не бил. Удар длинного гибкого прута, пришёлся как раз по чувствительному носу лошади, задел своим кончиком обе губы.

Люска взвилась. Потом неожиданно успокоилась, пошла размеренным шагом по леваде.

Наездница выпрямилась гордо в седле. Она победно улыбалась зрителям.

Люска всё шла и шла, размеренно и спокойно, чуть помахивая, в такт шагу, головой и косясь на Ленку.

Круг, затем второй, третий. Круги постепенно становились всё шире.

Люска спокойно подошла к шершавым жердям лошадиного загона, прижала к верхней дубовой жердине ногу наездницы в щегольском сапоге и пошла дальше.

Сначала, никто ничего не понял. Потом закричала наездница. Она бросила прут и обеими кулаками била лошадь по голове.

А та всё шла и шла. На заборе оставались ошмётки сапога, обрывки дорогущих лосин, привезённых прямо из Парижа, живая человеческая кожа.

Первой пришла в себя Ленка. Она бросилась в загон, стала перед лошадью, схватив её под уздцы. Люска остановилась.

Подоспел вечно улыбающийся Андрюха, снял наездницу с седла, вывел, почти вынес, из левады.

Мало кто мог вспомнить потом, что говорила городская фифа, но Люскин поступок помнили все. И удивлялись: неужели лошади тоже умеют думать?

Барышню срочно увезли в город и думать о ней забыли бы, если бы не разноцветные ошмётки лосин на заборе.

Но и их смыли весенние дожди.

7 кадр Табун

Этой же весной кобылы познакомились поближе со своим кавалером. Их выпустили из надоевшей тесной левады на просторный зелёный луг у речки. А потом подпустили к ним жеребца.

Он нёсся к ним от конюшни, флагом подняв и распутив по ветру роскошный хвост. С ходу ударил и укусил подвернувшегося на пути мерина, посчитав его, хоть и неполноценным, а всё же соперником.

Потом принялся за кобыл. Он согнал их, разбредшихся было по лужку в беспорядке, в плотный косяк, внимательно обнюхал, знакомясь, каждую.

Все кобылы были жеребы от неизвестных жеребцов, так что в его услугах, как производителя, не нуждались.

Он сразу определил, что серая в яблоках кобыла, уже и не кобыла вовсе, она никогда больше не придёт в охоту и не принесёт потомства. Жеребец отогнал её в сторону.

Ещё дальше он прогнал несчастного мерина, которому очень хотелось пастись вместе со всеми. Но жеребец был непреклонен.

Мерин и кобыла – непригодные для продолжения рода существа. Пускай и достанутся, в случае чего, хищникам.

Косяк он с того дня охранял властно и уверенно, следил за порядком изо всех сил, не подпускал к кобылам никого, даже хозяина.

Единственный, кто пользовался его расположением и доверием, так это конюх Андрюха. И не из-за морковки вовсе, а потому, что он обращался с ним как с равным. Мог и кнутом, в случае чего.

Может показаться странным: как же так? Без жеребца кобылы жили, а все беременны? На самом деле, странного здесь мало.

Дело в том, что кобылу, «пришедшую в охоту», мало что может остановить. А тем более, забор из жердей. Пусть даже и жердей дубовых, которым была огорожена левада.

Время от времени, забор оказывался разрушенным и хозяин недосчитывался одной кобылы.

Кобыла может учуять жеребца за много километров. Уходили беглянки всегда на ветер и никогда по ветру. Хозяин со временем научился отыскивать своих гулён. Не сразу, но научился.

Первых двух своих кобыл, он купил в разваливающемся местном колхозе. Это были обычные рабочие лошади донской породы, крепкие и выносливые. Звали их Девочка и Звёздочка.

Сначала ушла Девочка. Она вернулась сама через несколько суток. Видно, нашла себе жениха где-то неподалёку.

Когда ушла Звёздочка, хозяин отыскал её километров за шестьдесят от своего хозяйства, в соседнем Краснодарском крае, на конеферме. Нашлась почти через месяц. Этот месяц её держали в загоне, вместе с другими коннозаводскими кобылицами. Но при этом честно объявили по местному радио, что приблудилась кобыла. Знакомые фермеры позвонили хозяину. Он и привёз беглянку обратно. Так закладывался костяк будущего табуна.

Потом появилась пони. Её купил городской товарищ хозяина. Не смог устоять перед просьбами детей. Купить-то купил, а где держать? Не на балконе же двухкомнатной квартиры в центре города?

Отвёз в хутор. Он же привёз через время старого мерина с грустными глазами. Того самого, которого обменяли на Люську.

Увидел большие грустные глаза и породистую горбоносую морду, когда того привезли к воротам мясокомбината. Купил по цене говядины, продлил коняге жизнь. А не то, быть бы лошадиному пенсионеру колбасой.

Старую серую кобылу в светлых яблоках, подарили, а вернее, сбывли с рук, старик со старухой из соседней деревни. Им она была уже без надобности, а продать на колбасу жалко. Хозяин взял.

Ему она была тоже без надобности, но взял. Ему и другие лошади были без особой надобности. На них не пахали не сеяли. Для этого в хозяйстве были современные мощные трактора.

Лошадей хозяин держал так, для души. Кроме хлопот, от них никакого проку не было. А хлопоты были порой серьёзные.

В хуторе оставались, в основном, пенсионеры да безработные. Какая работа в деревне? Жили огородами. Но понятие «огород» было чисто условное.

По причине длительной советской власти, скотины в хуторе давно уже никакой не было. Так, кое-где коза на длинной привязи крутилась вокруг колышка перед домом.

Поэтому огороды никто не огораживал. Из живности держали, по большей части, птицу. И не так заметно, и не очень накладно, и с мясом в любое время года.

Хоть и говорят, что за год двенадцать куриц съедают зерна столько же, сколько одна лошадь, в хуторе не только лошадей, но и коров не было. Советская власть научила быть тихими, серыми и незаметными.

Хуторяне выращивали кукурузу для птицы, картошку, кое-какие овощи для себя и, если повезёт, на продажу. Птицы держали много, кукурузы сеяли тоже немало.

Кукуруза – культура весьма урожайная, но труда требует. Особенно прополки и окучивания. И это всё тяпкой. Адский труд. Да и картошка, тоже нелегко даётся. А овощи вовремя полить – прополоть?

А тут – лошади вышли погулять. Почти двадцать голов. А это двадцать голодных ртов. И ещё страшнее, почти восемьдесят ног, украшенных большими и крепкими копытами.

Лошади в огороде не столько съедят, сколько потопчут. Они же не знают, что не всё, что растёт из земли, растёт само по себе. Им всё равно где пастись. На лужку в диком поле, или на чужом огороде.

После каждой такой лошадиной прогулки, хозяин заводил старенький ржавенький грузовичок, грузил в кузов мешки с зерном и ехал по дворам извиняться.

Зерно служило компенсацией ущерба. Он не жадничал, зерна давал много, так как знал: лошади прогулялись не в последний раз.

Сначала местные жители, в основном пенсионеры, ругались и возмущались. Потом сообразили, что если пересчитать на деньги, то весь огород, окупался за один визит лошадей, с последующим визитом хозяина.

При всём желании, не вырастишь на клочке земли столько зерна, сколько получали они за траву. Некоторые даже попытались воспользоваться.

Один местный алкаш, к которому лошади давно не заходили, как-то рано утром, ещё затемно, сам открыл ворота загона и выпустил кобыл. Это заметил Андрюха-конюх и доложил хозяину.

Алкаш ничего не получил, кроме бранных слов и даже одной зуботычины от своего же соседа. Потому как всех потерпевших в этот раз, хозяин отправлял за «контрибуцией», как говорили местные, именно к нему. А что взять с алкаша, кроме как дать зуботычину?

8 кадр

Тайны рыжего мерина

Самым безобидным, спокойным и терпеливым существом в табуне, был, конечно, рыжий мерин.

Однажды, он зацепился за шляпку большого гвоздя, оставленного торчать нерадивыми рабочими, в ограде загона для лошадей, резко дёрнулся от боли и вырвал у себя на груди огромный лоскут кожи в две человеческие ладони шириной.

Андрюха прибежал к хозяину. Шепелявя и брызгая слюной, он, при помощи привычного мата, рассказал о происшествии. Ветеринара в хуторе, естественно, не было. Откуда в хуторе взяться ветеринару?

Хозяин посмотрел на огромную, сочащуюся сукровицей рану, попробовал приладить треугольный кус кожи на место. Подумал. Взял крепкую суровую нитку, пропитал её йодом, вставил в ушко большой «цыганской» иголки, которой зашивают мешки и, крупными стежками, заштопал мерина.

Тот стоял спокойно, придерживаемый Андрюхой под уздцы. Только вздрагивал всем телом от боли. Терпел. Как будто понимал, что ему делают больно для его же блага.

Дети любили мерина, лазили и по нему, и под ним. Совершенно не боялись, несмотря на его огромность и вес.

Гостей хозяина, ни разу до этого не видевших лошадь вблизи, сажали в первый раз, именно на этого мерина, зная, что спокойнее скотины не найти.

Но и у мерина была своя тайна.

У лошадиников есть суеверие, что лошадь, убившая человека, приносит несчастье. От такой лошади лучше поскорей избавиться.

Рыжий мерин был убийцей.

Он родился на одном из больших конезаводов в Сальских степях. Был резвым стригунком, потом жеребчиком. Там впервые надели на него седло и слегка объездили. Конь приглянулся зоотехнику, приехавшему отработать свои три года после института по распределению.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.